

В первый месяц года в столице Дацзинь, на всех улицах и переулках стоял сладкий аромат лабажоу. Влага на гранитных плитах была скрыта под толстым слоем белого снега, а легкий пар поднимался от оконных краев, устремляясь к бесконечному черному небу над головой. Из тени доносились смутные звуки смеха, но через мгновение они исчезли.

В переулке у bordello сидели ярко накрашенные девушки, держа в руках пипу и нараспев напевая песни. Их взгляды скользили от пустых маленьких домов перед ними к медным колокольчикам, свисающим под карнизами далекого императорского дворца, а на губах играли улыбки, полные тоски и красоты.

*

Власть тяжела, суеты много,
Цветы в волосах качаются, красота увядает,
Цветок в зеркале, луна в воде — обе пусты.

*

Третья стража.

Внутренние покои Императорского дворца Дацзинь.

В мерцающем свете Холодного дворца Цзян Лююй с трудом приподнялся, пошатываясь, пытаясь дотянуться до фарфоровой чаши на столике у кровати. Старое тонкое одеяло не могло скрыть его бледное и истощенное тело, а завывающий холодный ветер, врывавшийся в окно, заставлял его тень на стене метаться из стороны в сторону.

Когда вошла служанка в поношенной, но довольно опрятной одежде, дрожащие пальцы Цзян Лююя уже почти коснулись грубой фарфоровой чаши на столе, но из-за недостатка сил они безвольно опустились, опрокинув чашу. Она с грохотом упала на пол, расколотившись на множество осколков.

Увидев эту сцену, служанка не смогла скрыть едва заметного отвращения, однако поднос в её руках оставался абсолютно устойчивым. Будто привыкшая ко всему подобному, она даже не взглянула на осколки под своими ногами, перешагнула через них, затем низко и совершенно нецеремонно поклонилась человеку на кровати и толкнула вперед чашу с лекарством. Горячий бурый отвар брызнул на одеяло, но на лице служанки не появилось никаких особых эмоций, лишь губы скривились в насмешливой улыбке.

— Княгиня, вам пора принять лекарство.

Княгиня?

Цзян Лююй неподвижно смотрел на служанку, которая тщетно пыталась скрыть свое отвращение и презрение. Его взгляд казался расфокусированным, бледные губы несколько раз открылись, но не издали ни звука.

Когда он впервые услышал, что эти два слова обращены к нему? Сколько лет назад?

Пятнадцать лет назад?

Или... двадцать?

Двадцать лет назад он был единственным законным сыном-шуанцзы князя Сяояо Цзяна Ин. Вскоре после того, как пришла весть о гибели родителей в бою, он после года траура в владениях княжеского рода был вынужден взять с себя заботу о сводных братьях и сестрах и отправиться в дом своего дяди, князя, везя с собой огромное состояние и воинскую бирку, на которую зарился император.

После въезда в резиденцию он был настроен против своих сводных братьев и сестер по наущению главной жены дяди, а затем однажды ночью был опоен и на следующее утро найден в постели мужчины в разорванном виде!

Когда всплыла эта постыдная история, император лишил его титула наследника, а огромное состояние в итоге перешло в руки главной жены князя, госпожи Чжэнь. Из-за этого скандала и влияния на положение наследника, император, так и не получив воинскую бирку, которую Цзян Люй отказался сдавать, принудил его стать внутренним господином и выдать замуж за принца Нань Цзинлуна, который в то время был заложником в Далуне.

В первую ночь после свадьбы в резиденции принца-заложника он, опустошенный, сидел на брачном ложе, но вдруг увидел, как человек в красном халате с вытканными золотыми драконами и в нефритовом венце поднял брачную чашу, слегка приподнял руку, улыбнулся и произнес:

— Став моей женой, открой мне своё сердце, и я не подведу тебя.

Из-за этой одной фразы он влюбился в того мужчину, который при свете свечей ласково улыбнулся и вытащил его из бездны отчаяния.

В ту ночь он поклялся, что не пожалеет ничего, чтобы помочь человеку перед собой реализовать его амбиции и жажду власти, стремясь к самой вершине.

Как шуанцзы, он не был полноценной женщиной, поэтому, пока Нань Цзинлун был заложником и занимался сбором сведений о Дацзинь, он помогал ему наладить связи с влиятельными сановниками своей родной страны Далун. Он даже ради того, чтобы обеспечить Нань Цзинлуну поддержку дома князя, был вынужден проглатывать слезы и кровь: после того как госпожа Чжэнь подвергла его унижениям, он убедил князя-дядю выдать свою законную дочь за Нань Цзинлуна в качестве второй супруги, чем прочно укрепил положение мужа.

Когда Нань Цзинлун из-за внутренних дел был вынужден вернуться с ним в Дацзинь, как раз вспыхнули беспорядки на границе. Его охрана, прикрывая Нань Цзинлуна, чтобы вырваться из окружения, почти полностью полегла, а сам он в критический момент закрыл собой Нань Цзинлуна и принял стрелу. Она попала ему в лопатку, и с тех пор он полностью потерял способность к боевым искусствам.

В тот момент, когда у него почти ничего не осталось, в опасной ситуации они с Нань Цзинлуном поддерживали друг друга. Чтобы поскорее вернуться в страну, он не пожалел последней воинской бирки умершего отца, чтобы Далун отправил войска на помощь Нань Цзинлуну. Только так они благополучно добрались до Дацзинь, а после этого между Дацзинь и Далуном был заключен союз, и Нань Цзинлун за заслуги получил титул князя Муюаня.

Попав в Дацзинь, он из влиятельного внутреннего господина соседнего государства превратился в княгиню Муюань, не имеющую ни власти, ни влияния.

Ради того же человека он, забыв о гордости, наглея, заводил знакомства с дикими варварами Дацзинь, которые ели сырое мясо и пили свежую кровь. С одной стороны, он как опора тихо

выращивал свои силы в столице, а с другой — исполнял роль добродетельной супруги, общаясь с благородными дамами и внутренними господами, всем сердцем стараясь ради великого дела борьбы за престол своего мужа.

В день, когда Нань Цзинлун взошел на трон наследного принца, он держал его на коленях у кровати. Красивое, но чрезмерно мрачное лицо Нань Цзинлуна в свете лампы смягчилось. Он многословно рассказывал ему то, что таил на душе, и нежно обнимал, заставляя Цзян Лююя еще безумнее служить ему. Он даже тогда, когда император заболел, помог поднести тому высокому человеку чашу с ядом.

Тот яд был черным, точно так же, как эта чаша лекарства перед глазами: в свете свечей он производил впечатление мягким, с легкой кисло-сладкой ароматом, похожим на запах его любимого зимнего фрукта.

А что было потом?

Как он упал с позиций императрицы, которых добился с таким трудом, и в один день оказался в Холодном дворце, где не удостоился даже почтительного титула наложницы, а мог называться лишь этой маленькой служанкой «княгиней»?

Цзян Лююй опустил голову и вдруг начал сильно кашлять, ему казалось, что он кашляет даже свое сердце.

Он вспомнил лето второго года после того, как он был провозглашен императрицей, ту ночь, когда сверкали молнии и лил проливной дождь под раскаты грома. Нань Цзинлун, одетый в драконий халат, стоял во тьме, держа на руках только что упавшую и чуть не потерявшую ребенка женщину. Она была его законной кузиной, но сейчас стала наложницей Цзян Хуэй Нань Цзинлуна. Лицо его было холодным, в глазах читалось убийство.

— Ты годами не мог родить, и я закрывал на это глаза. Но она — твоя родная кузина, ребенок в ее чреве — мой первый наследник. Как ты мог быть таким жестоким?!

Жестокий.

Хе.

Если бы он был жесток, при его методах тот человек никогда бы не смог уличить его.

Как же он мог быть жестоким.

Ясно же...

За окном бесшумно падали снежинки. Он изо всех сил сжал в руках тонкое одеяло и молча смотрел на человека, державшего лекарство. В черных глазах вдруг сверкнул острый свет. Силы были на исходе, он дважды резко кашлянул, потом поднял руку и опрокинул кипящий отвар, отчего служанка перед ним воплем отскочила назад.

— Ах! Горячо! — служанка судорожно отряхнула платье, глядя на большое влажное бурое пятно, даже голос изменился. — Мёртвый шуанцзы, что ты творишь?!

— Ты думаешь... я не знаю... ты... — Цзян Лююй говорил, прерываясь кашлем. Его худое лицо, в котором проступили кости, было обращено к свету свечи; он смотрел на маленькую служанку, которая следила за ним с тех пор, как он попал в Холодный дворец. Свет словно озарял демона,

выбравшегося из ада. — ...хочешь, чтобы я умер?

Платье было безнадежно испорчено, служанка смотрела на него с еще большим презрением. Она даже не подняла глаза на человека, лежащего на кровати, а продолжая отряхивать платье, язвительным тоном произнесла:

— Княгиня, вы не так говорите. Это не я хочу вашей смерти, а знатная особа хочет вашей смерти.

Цзян Люй снова опустил голову и тяжело закашлялся. На бледном лице выступил болезненный румянец, потрескавшиеся губы сжались, и в свете лампы он выглядел еще более устрашающим:

— Знатная особа... это Цзян Хуэй?

<http://bllate.org/book/17692/1650971>